

Ван Юнмэй смотрела на ребёнка перед собой: лицо её выражало крайнюю усталость. Одежда мальчика была покрыта пылью и масляными пятнами, и чем дольше она смотрела, тем сильнее сжималось сердце. Она сказала строго:

— Цинхэ, я несу ответственность за твою безопасность, как и за каждого ученика. Ты ещё слишком мал, и я искренне не советую тебе искать работу на стороне. Ты можешь прийти ко мне домой, я о тебе позабочусь, я тебя обеспечу. Жуань Му сейчас не со мной, стань мне сыном.

Чжу Цинхэ был тронут и крайне удивлён. Ему очень хотелось согласиться, но разум быстро вернул его к реальности. Он боялся: стоило ему ощутить тепло, как он мог бы раствориться в нём и потерять волю к борьбе. Лучше было не прикасаться к этому чувству. В конце концов он сжал губы, улыбнулся и ответил:

— Не волнуйтесь, я не собираюсь делать ничего плохого, я знаю меру. Мне с трудом удалось получить возможность учиться, и я не позволю чему-то недостойному разрушить это. Я вернусь не позже вечера, ладно?

Ван Юнмэй не согласилась:

— Сейчас за тобой никто не присматривает, как же так можно? Завтра у меня нет уроков, я пойду с тобой. Цинхэ, если застану тебя за каким-нибудь дурным делом, покажу тебе, как надо вести себя.

Чжу Цинхэ облегчённо выдохнул. Это было даже к лучшему, ведь учительница Ван, как взрослый человек, могла бы отпугнуть недоброжелателей. Если бы на пути действительно встретился кто-то с плохими намерениями, ему самому было бы трудно справиться. Он понимал, что скрыть свои планы уже не получится, и умоляюще сказал:

— Учительница Ван, даже если вы узнаете, что я делаю, пожалуйста, не рассказывайте об этом другим, хорошо? Я не хочу неприятностей. Сегодня, когда я вернулся домой, дом уже был обыскан.

Лицо Ван Юнмэй мгновенно помрачнело, она гневно воскликнула:

— Это просто возмутительно! Кто посмел... Это уже слишком много! Когда будет время, я должна поговорить с деревенским старостой. Если так будет продолжаться, как мы будем жить дальше?

Чжу Цинхэ подумал, что если учительница Ван поговорит со старостой, это будет к лучшему. Он был уверен, что его дядя знает больше, чем кто-либо другой, и в конечном итоге он сам поговорит с ними. Ради лица дяди он, вероятно, сможет прожить пару дней спокойно.

Ван Юнмэй взглянула на настенные часы. Было почти девять. Она похлопала его по плечу:

— Завтра на самом раннем поезде, да? Я буду ждать тебя на выезде из деревни. А теперь скорее возвращайся домой и спи, чтобы завтра всё прошло гладко.

Чжу Цинхэ кивнул, попрощался с учительницей Ван и пустился бежать домой. Он действительно ужасно хотел спать: вернувшись, он умылся, помыл ноги и сразу же лёг.

В это время по деревне почти никто не ходил, а его дом стоял в совсем глухом углу. Когда он выходил, не обращал на это внимания, но теперь, возвращаясь, почувствовал что-то зловещее и

пугающее. Однако для такого «чудовища», как он, прожившего две жизни, это было сущее пустяк. Но когда кто-то внезапно вынырнул из темноты и хлопнул его по плечу, его сердце всё же не выдержало.

Чжу Цинхэ обернулся и при лунном свете разглядел Цянь Даю. Он с лёгким раздражением произнёс:

— Дядя, пугать людей так ночью — это чрезмерно. Люди от страха умереть могут.

Цянь Даю только что вышел из чужого дома, где наблюдал за карточной игрой. Сам хотел сыграть пару партий, да вот денег не было. По дороге он заметил спешащего домой Чжу Цинхэ и пошёл следом. А теперь улыбнулся и сказал:

— Чего боишься, разве люди в призраков превращаются? Цинхэ, я заметил, что каждые выходные ты торопишься в город. Неужели там есть что-то хорошее?

Чжу Цинхэ не останавливаясь, усмехнулся:

— Какое там хорошее? Дядя, кроме меня самого, у меня ничего нет. Если не хочу помереть с голоду, приходится зарабатывать по три-четыре юаня. В отличие от других, которым всё готово. Дядя, я пошёл, я очень устал.

Цянь Даю поспешно схватил его и таинственным спросом:

— Эй, парень, не спеши уходить, есть вопрос к тебе. На днях я видел, как ты что-то нёс к учительнице Ван, а потом вернул обратно. Что это было?

Чжу Цинхэ с недоумением ответил:

— Дядя, зачем тебя так мои дела волнуют? Когда я вернулся, я заметил, что мой замок трогали. Неужели это ты хотел зайти проверить, что там?

Слова Чжу Цинхэ были весьма грубыми, он едва ли не прямо обвинил Цянь Даю в воровстве. Хотя Цянь Даю и был любопытен, до таких грязных дел он никогда не опускался. Он хлопнул себя по бедру:

— Что за слова, парень? Как ты мог такое про дядю подумать? Мне просто любопытно стало, случайно увидел и подумал: что может такого мелкий пупс нести учительнице Ван? Ладно, не хочешь говорить — не надо, не буду навязываться. Иди домой, спи.

Цянь Даю и не думал, что этот мальчишка так бдителен. Сегодня он просто между делом обмолвился Чжу Юйтяню, а тот настоял на том, чтобы заглянуть внутрь. Ну что ж, посмотреть — не значит украсть, он тоже зашёл, но так ни черта и не нашёл, где тот большой мешок. За последние два дня он ни разу не видел, чтобы Чжу Цинхэ снова его выносил. Странно всё это.

Чжу Цинхэ вернулся домой, плотно закрыл дверь на замок, прислонился к ней и закрыл глаза, приходя в себя. Всё вышло именно так, как он и предполагал. Хорошо, что он нашёл применение деньгам, иначе рано или поздно эта семейка узнала бы о них, и тогда начались бы новые разборки. Он отодвинул сундук, достал чёрный мешок и только тогда окончательно успокоился.

Сил мыться совсем не было, но терпеть свой грязный вид он тоже не мог. Он зачерпнул холодной воды из бака и кое-как умылся, потом завалился на кан, обнял кучу денег и уснул.

Деньги — это хорошо. Как тот мужчина на большом экране на площади: уверенный, элегантный. Именно таким хотят стать многие мужчины.

Боясь заставить учителя ждать, он не позволил себе спать слишком крепко. Плюс ко всему, душа не покоилась, и он проснулся ещё до рассвета. Встал, развёл огонь, вскипятил воду, но, перекопав всё, обнаружил, что еды нет. Вспомнил, что картошка, которую тётя в прошлый раз принесла, ещё не вся съедена, и решил запечь её в печи. Когда огонь погаснет, она как раз испечётся. Хоть чем-то набьёшь живот.

Он положил мешок с деньгами в корзину и прикрыл сверху всяким бараклом. Когда он дошёл до выезда из деревни, учительница Ван уже ждала его под софорой.

Ван Юнмэй увидела его и протянула ему булочку с водой:

— Перекуси на ходу, чтобы желудок не болел. У Жуань Му с детства желудок слабый, вот он никогда и не пропускает еду. И ты не стесняйся меня. Хотя я твоя учительница, я отношусь к тебе как к собственному ребёнку. Вижу тебя — и словно вижу Жуань Му.

В тот день, когда Жуань Му с Жуань Нином сели в поезд, он наконец произнёс первые слова:

— Это... опять из-за Гао Мэйли?

Жуань Нин, откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза, равнодушно отозвался:

— Ага.

— То, что я тебе показал, ты не понял?

— Под твоей подушкой ничего нет, что мне было смотреть? Твоя мама... Ты же говорил, что уговоришь её? Как ты уговорил её так, что она даже видеть меня не хочет? Сын, родной сын, я твой отец, ты не на моей стороне, что же, ты хочешь, чтобы отец потом к тебе спиной повернулся?

Жуань Му действительно разозлился. Одержимый страхом, что слишком сильно соскучится, он не посмел ответить громко кричавшему ему вслед Цинхэ, и это уже заставляло его чувствовать себя подавленным. Вся его злость скрутилась в единый узел и вырвалась наружу:

— Зачем ты пустил Гао Мэйли в наш дом? Кто она такая? Вечно вмешивается между тобой и мамой, и чего ты добиваешься? Если тебе всё равно, я позвоню дяде Чжану в Америку. Тому всё не жениться, он всё маму ждёт.

Жуань Нин словно ему на хвост наступили. Он сразу встрепенулся. Он вечно просил болтунов не разносить новость о разводе с Ван Юнмэй, боялся, что не успеет вернуть её, как её перехватит соперник. Он скрежетал зубами и прорычал:

— Если ты посмеешь... Я вернусь и хорошенько проучу эту Гао Мэйли. Весь день не работает, только и делает, что шляется по нашему дому. Думает, если зацепится за старуху из семьи Лу, то все дела будут?

Жуань Му повернулся к окну. Если бы он раньше понял эту простую истину, сколько бы бед удалось избежать.

Всю дорогу Жуань Нин пытался выпросить у сына, чтобы тот продолжал расхваливать его

перед бывшей женой. Еле-еле уговорил его согласиться перед тем, как они вышли из поезда. Но когда они вернулись домой и нажали звонок, дверь открыла именно та, кто вызывал у него раздражение. Лицо Жуань Нина сразу же вытянулось, а Жуань Му, напротив, положил одну руку на локоть, другой погладил подбородок и слегка прищурился. Сегодня он собирался покончить с этим человеком и отомстить за маму.

Жуань Нин чувствовал себя разбитым и хотел просто рухнуть на кровать и уснуть. Каждый раз, когда он ссорился с Ван Юнмэй, на него наваливалась тысяча килограммов. Похоже, завтра придётся пробежать десять километров, чтобы прийти в себя.

<http://bllate.org/book/16370/1480864>